

речевом обиходе персонажей Щедрина существует еще один устойчивый словесный штамп, шаблон восприятия — «старик Державин». Это слово заимствовано из Пушкина, но у него «старик» не прозвище, а конкретная реалья. У Щедрина оно становится прозвищем и тоже своего рода «народным именем», словосочетание инновировается, приобретая налет фамильярности и некий иронический оттенок. В таком использовании имен Державина и Крылова определенным образом сказался биографический опыт Щедрина, его школьные воспоминания, наложившие также отпечаток схоластики и на имена Ломоносова, Карамзина, Жуковского. Подобным школьным грузом обременены и щедринские персонажи, и этим, вероятно, объясняется их почти «родственное» отношение к старым знакомцам. По модели «старик Державин» возникает и «старик Крылов». Механизм этого новообразования обнаруживается в пьесе «Тени», где один из персонажей заявляет: «Люблю старика Державина! А еще больше люблю старика Крылова (...) délicieux!» (4, 344).

Упоминания о Крылове часто сопровождаются обычным для разных персонажей комментарием — присоединением к его словам, одобрением того, что было им сказано: «А ларчик просто отворялся, сказал дедушка Крылов, и сказал истину святую» (3, 370); «А между тем, как говорит бессмертный наш баснописец Крылов: ведь ларчик просто открывался!!!» (10, 332). «Старик Крылов был прав» — таковы и исходная посылка, и умозаключение; персонажи Щедрина используют из Крылова те «истины», которые «пришлось им ко двору», для них басенные сентенции — это свод удобной в быту житейской мудрости, той мудрости, которую Щедрин именует «азбучной». Фамильярные прозвания Крылова, оценочные его характеристики в речи персонажей служат для Щедрина средством разоблачения определенного жизненного уклада и правил, средством осмеяния житейской пошлости. Превращение крыловских изречений в сознании благонамеренного большинства в «эмпирические афоризмы» типа «уши выше лба не растут» выглядит как надругательство над словом, над высокой миссией литературы.

Щедрин показывает, что это вытверживание басен Крылова как свода немудреных житейских правил начинается с малолетства. В «Господах ташкентцах» будущий «солидный человек» Миша Нагорнов на каверзный вопрос учителя, какая часть речи «Осел и Соловей», с готовностью отвечает: «„Осел и Соловей” — это заглавие одной из самых нравоучительных басен дедушки Крылова» (10, 177).¹⁵ Детское восприятие «де-

¹⁵ См. также (в черновом варианте незавершенного очерка из «Благонамеренных речей») об «адвокате-пауке», занимающемся «юридическим сводничеством»: «Какой-нибудь Ерофеев, который не может двух слов сказать связно (...) Ерофеев, который, будучи в школе, фразу „Осел и соловей” спрягал как